

В конце концов этот мир окончательно свихнулся, превратившись во что-то, Цзян Фэю совершенно незнакомое.

Концерт Линьхуа в Донда проходил в университетском спорткомплексе. Трибуны были забиты фанатами, в проходах и на паркете яблоку негде было упасть от тех, кому не досталось билетов, а в небе над ареной кружили аномальные сущности, связанные контрактом с медиумами.

И подавляющее большинство присутствующих составляли самые обычные люди.

Как выразился бы Цзян Фэй: отчаянные безумцы, раз уж осмелились прийти на концерт аномалии А-ранга.

На сцене — а точнее, прямо над ней — скелетный конь, охваченный синим пламенем, плясал в такт музыке.

Конь гарцевал прямо в воздухе, чеканя выездку. На его шее развевался огромный алый плащ, вздымаясь при каждом шаге.

Предельно яркий алый, пляшущий синий и проглядывающие сквозь них жуткие белые кости сплетались воедино, рождая смертоносную, предгониальную пышность.

Смотрелось это эффектно, но до чего же дико.

Невнятный шепот, подобно дьявольским руладам, вился над ареной. В мощных колонках звучал глуховатый, бархатный баритон, синхронно переводивший эти звуки — точь-в-точь как тот потусторонний голос, что шептал сейчас на ухо Цзян Фэю:

«Клинок, что некогда пронзал ночную тьму,

Сам стал оплотом новой ночи.

Клятвы остыли во груди,

И демон вновь возвёл зловещи очи!

Внемли же рыку моему!

Внемли же рыку моему!

Убивший дракона сам им станет!

Мир падет во скверну без следа,

И каждый из нас обличье примет

Того, кого ненавидит навсегда!»

Цзян Фэй лишился слов.

Какая беспросветная, мрачная апокалиптика...

И как в условиях глобальной аномальной трансформации концерт с подобным текстом вообще прошел цензуру?

— Надо признать, голос Линьхуа себе настроил — просто заглядение, — заметил Лю Цыянь, притаившийся на концерт вместе с Цзян Фэем.

Цзян Фэй подозрительно умолк. Голос, звучавший из динамиков, разительно отличался от настоящего, гремящего у него в ушах.

— Он еще и автотюном пользуется, — пробормотал Цзян Фэй.

Лю Цыянь посчитал это естественным:

— Да какая разница? Всё равно звук идет через систему. Почему бы не выкрутить красивый тембр?

Оно-то так, да только тембр этот принадлежал Фу Сяо!

Этот конь реально не боится отгрести от Фу Сяо?

Потеребив сидевшего на запястье Ариэкса, Цзян Фэй получил раздраженный удар хвостом: змейка сбросила его пальцы и снова притворилась мертвым браслетом.

Цзян Фэй молча дослушал выступление до конца.

Шум улегся, толпа рассеялась. В опустевшем зале воцарилось гнетущее запустение — будто немой намек на то, что грандиозная глобальная аномальная трансформация в итоге завершится полным крахом.

На огромном стадионе, если не считать круживших под потолком дроздов-съёмочных дронов, оставался один лишь Цзян Фэй.

Глядя змеиный браслет, он негромко спросил у пустоты:

— Фу Сяо... Линьхуа считает, что у нашего мира нет будущего, именно потому, что ты окончательно осквернился?

Аномалия молчала.

Вместо ответа Линьхуа спустился по воздуху прямо к нему.

— Мне и впрямь любопытно, что вы натворили в прошлом? — спросил Цзян Фэй. — И каков был ваш изначальный план?

[Всего лишь наивные мечты и самонадеянные замыслы,] — отозвался конь.

За ультра-панк обликом Линьхуа скрывалась тоска, которую невозможно было замаскировать ни синим пламенем, ни алым плащом.

Впрочем, его можно было понять. Сохранив разум, редкий для оскверненных существ, Линьхуа не мог испытывать безумной эйфории обычных аномалий, но и вернуться к нормальной жизни уже не способен.

В этом мире у него не осталось ни корней, ни пристанища.

Скелетный конь огласил зал ржанием и боднул головой вперед, вскинув Цзян Фэя себе на спину.

Призрачно-синий огонь вырвался из костей, с головой накрыв Цзян Фэя. В самом сердце пламени таился леденящий, присущий аномалиям холод.

Не успел Цзян Фэй вцепиться в ребра, как под брюхом коня взвился вихрь. Скелет встал на дыбы и взмыл в пустоту, оставляя под копытами водяные круги на воздухе.

Голый костяной хребет оказался скользким. Всадник, не успевший толком усесться, выглядел куда менее эффектно, чем его скакун. В панике Цзян Фэй сдернул с запястья Ариэкса, растянул его, захлестнул вокруг конской шеи и вцепился в оголившийся позвоночник змеи, используя его вместо поводьев.

[С-сс... Как некультурно~] — прошипел Ариэкс. Ему не нравилась такая роль, но сопротивляться он не стал.

Линьхуа набрал высоту. Все выше, все быстрее! Разреженные облака остались под копытами, свист ветра глушил уши, а порывы были столь сильны, что Цзян Фэй едва мог разлепить веки.

Вокруг воцарилась абсолютная тишина. Казалось, весь земной мир остался где-то далеко внизу — вместе с досаждавшими летающими камерами.

Застыв в поднебесье, Линьхуа вскинул череп и огласил вышину торжествующим ржанием:

[Ха-ха-ха! Взыграла старая кровь в костях, вспомнил я молодую удаль! В левой руке — борзая, на правой — сокол!]

Цзян Фэй промолчал.

Избыток культуры никому не идет на пользу.

Похоже, отгиговав концерт и отрываясь в небесах, Линьхуа немного вытравил из себя смурное настроение.

[Ну что, парень, каково оно — с ветерком-то? Каковы впечатления?] — спросил конь.

Цзян Фэй наконец выпрямился.

Он и в первую встречу с аномалиями особо не фонтанировал эмоциями, а уж теперь и подавно. Поправив растрепавшиеся на ветру волосы, он отозвался без особого восторга:

— Сытость до добра не доводит. Ни людей, ни лошадей.

Пронесся ледяной порыв, и синее пламя на скелете на миг пригасло.

Фыркнув сине-черным дымом, Линьхуа решил проявить великодушие.

[Ну и тип. Ты еще страннее, чем я,] — проворчал он.

Линьхуа пошел на снижение и замер метрах в двадцати над землей.

Прямо под ними находился павильон станции метро.

Вход был плотно обнесен лентами Бюро духовного контроля. Синий цвет лент означал предупреждение: по прогнозам аналитиков, эта зона в ближайшее время должна была слиться с аномальным пространством.

— Вот это уже похоже на дело, — заметил Цзян Фэй. — И что здесь особенного?

[Кое-что есть. Но я тебе не скажу,] — злорадно отозвался Линьхуа. — [Я просто привез тебя показать.]

Цзян Фэй снова промолчал.

Отыграв очко, скелетный конь окончательно сменил гнев на милость и спросил:

[Ты все еще твердо намерен встретиться с Преподобным?]

[Что ж... так тому и быть.]

На сей раз Линьхуа даже не дал Цзян Фэю времени на раздумья.

[Преподобный пал во скверну. Я сложил крылья, и лишь ты один пытаешься бороться.]

[Так пробуй! Хуже, чем сейчас, уже все равно не будет!]

Без малейшего предупреждения конь резко встал на дыбы.

Соскальзывая вниз, Цзян Фэй с темнеющим лицом натянул поводья-Ариэкса и судорожно уперся ногами между конских ребер.

Змеиное тело заклинило в костях. Поскольку оба были сущностями А-ранга, спуску никто никому не давал — от сдавливания и Ариэкс, и Линьхуа сопели так, что едва сдерживали стоны.

В ночной тьме лишь особая подсветка могла выхватить детали.

Качнувшись вместе с конем, Цзян Фэй заметил в месте соединения передних ног и грудины Линьхуа две алые точки.

Точь-в-точь такие же рубины, как у Ариэкса и Ушу.

— Вы... — Цзян Фэй не знал, о чем спросить.

[Выдерни,] — скомандовал Линьхуа.

Цзян Фэй замялся:

— А твоя разумность?

[Не убудет.]

Охваченный синим огнем хвост хлестнул Цзян Фэя по спине, показывая под нужным углом остальные рубины.

Целый ряд, штук десять.

Цзян Фэй протянул руку, намереваясь вытащить указанные камни.

Конь издал сухой смешок:

[Я сказал — ты и уши развесил. Чем ты лучше тех наивных глупцов, что пришли на концерт?]

"Это ещё что за торможение на самом лету?"

Цзян Фэй раздосадованно шлепнул коня по черепу и без тени сомнений выдернул два рубина.

Синее пламя в то же мгновение стало невыносимо ледяным.

Огонь обжег самую душу, и в ушах Цзян Фэя снова зазвучал смутный, эхом отдающийся голос.

Тот самый тембр, что звучал весь вечер на концерте, невероятно знакомый. Голос Фу Сяо.

Точнее, Фу Сяо из воспоминаний Линьхуа.

«Линьхуа... Как думаешь, если я осквернюсь, смогу сохранить разум?»

«Преподобный, успокойтесь, шансов нет,» — отозвался конь.

В те времена, едва став аномалией, он говорил еще тяжело, без нынешней светской изворотливости.

«Вы же собираетесь поглотить сам Духовный источник!»

«Ну и жестокие же у тебя слова, костяной конь,» — с легким смешком ответил Фу Сяо.

«Преподобный, погладьте меня. Поверьте, холодны у меня не только слова.»

Любая павшая во скверну тварь источает лютый студень.

«С вами скоро будет то же самое,» — добавил Линьхуа.

«Это другое,» — мягко возразил Фу Сяо. — «Я найду для тебя Огонь-в-кости. Зажжешь его на скелете, и станет не так холодно.»

Но ведь все они осквернятся...

Когда осквернится он сам, уже некому будет заботиться, холодно ему или нет.

Слова, так и оставшиеся произнесенными, истаяли в тишине.

Линьхуа камнем устремился вниз и у самой земли изящным финтом сбросил Цзян Фэя на твердь, вырвав его из чужих воспоминаний обратно в реальность.

Настоящий Линьхуа проворчал:

[Мы все тут ледяные, а ты грелку припас только для Преподобного!]

[Фыр!]

Застыдился ли Цзян Фэй?

Ну уж нет.

Беспомощно пожав плечами, он сделал вид, будто его совесть давно стинула в желудке Ариэкса:

— В многодетных семействах всегда есть любимчики. Это нормально.

[Паршивец!]

[Да ты просто законченный подлец!]

Скелет вновь рванул в высоту, бросив Цзян Фэя на земле.

— Как этим пользоваться? — Цзян Фэй и не думал извиняться. Подняв Гвозди Алого Ослабления Духов, он крикнул вслед: — Ты же обещал, что я смогу с ним встретиться!

[Он явится!] — донеслось сверху.

Если Он не явится, крупницы разума, удержанные благодаря контракту, не спасут Цзян Фэю жизнь.

Преподобный, у которого еще оставались крупницы рассудка, и впрямь не желал быстрой смерти Цзян Фэю. Но Линьхуа понимал: душой окончательно оскверненного Фу Сяо владеет тьма, и никто не знает его истинных помыслов.

Впрочем, конь не соврал.

За спиной Цзян Фэя вновь повеяло лютым холодом. Обернувшись, он увидел знакомый и одновременно чужой силуэт.

Тот по-прежнему был облачен в старинное, расшитое узорами свадебное одеяние. Изящный фениксовый венец с головы сняли; шелковистые черные волосы были перехвачены алой лентой и ниспадали почти до самой земли.

Из-под алых подолов выходил угольно-черный змеиный хвост. Ощув на себе взгляд Цзян Фэя, крайний плавник на хвосте нервно затрепетал.

— Мило, — резюмировал Цзян Фэй.

Линьхуа застыл в небесах.

"И где здесь хоть капля милоты?!"

Преподобный протянул к Цзян Фэю бледную ладонь:

[Отдай.]

Цзян Фэй аккуратно опустил в его ладонь духовную грелку для рук.

Конская морда Линьхуа вытянулась от изумления.

[Дай Гвозди Алого Ослабления Духов,] — подчеркнул Фу Сяо.

"А у них, оказывается, такое поэтичное название," — подумал Цзян Фэй, покрутив два алых гвоздя перед глазами, но от своей цели не отступил:

— Сначала заberi грелку.

Он искал Линьхуа именно ради того, чтобы передать подарок, а все эти гвозди были лишь попутным делом.

Линьхуа: [Ну ты и наглец.]

Воцарилась звенящая тишина. Но первым, как ни странно, сдался Фу Сяо.

Изящная грелка исчезла из его ладони. Цзян Фэй с ухмылкой поинтересовался, не карманное ли это измерение, и лишь потом вложил гвозди в его руку.

Рубиновые кристаллы, похожие на капли запекшейся крови, Фу Сяо тут же вонзил в свои мертвенно-бледные мочки ушей.

Столкновение алого и белого было ошеломляющим — будто красная медовая слива расцвела на белом снегу. Камни придали его облику колдовскую, почти демоническую красоту.

Черные прежде зрачки Фу Сяо насквозь пропитались алой прозрачностью гвоздей. Вперив взгляд в Цзян Фэя, он произнес:

[Запомни. Ни мне, ни Линьхуа верить нельзя.]

— Эй-эй-эй! Не надо всех под одну гребенку! — возмущенно завыл с неба Линьхуа.

Цзян Фэй шагнул вперед и, прежде чем Фу Сяо успел среагировать, сжал его ладонь.

Прикосновение обдало леденящим хладом — еще более глубоким и мертвенным, чем кости Линьхуа и Ариэкса. Длинные, изящные пальцы, безупречные линии; сквозь белоснежную кожу отчетливо проступали голубоватые жилки.

— У тебя руки ледяные, давай согрею, — сказал Цзян Фэй.

Невпопад.

Фу Сяо сохранял ледяное бесстрашие и спустя пару мгновений высвободил руку.

[Все это — лишь зов инстинктов.]

И его силуэт снова истаял в воздухе.

Цзян Фэй ничего не понял и спросил у Линьхуа:

— Что он имел в виду?

Линьхуа, вспомнив, как Цзян Фэй в точности повторял их давние замыслы, быстро раскусил мысль Преподобного:

[Он сказал, что твои чувства — фальшь.]

— Глупости, — воспротивился Цзян Фэй, считавший себя вершиной искренности.

[И что же, по-твоему, тебя в нем привлекло?] — спросил Линьхуа. От наглости и беспардонности парня конь буквально вытаращил пустые глазницы.

Цзян Фэй задумчиво поразмыслил и неуверенно произнес:

— Лицо?

Сомнения тут же улетучились. В любви к красивым лицам он не видел ровным счетом ничего дурного — вместо стыда он проникся гордостью и с готовностью кивнул:

— Точно, лицо.

А что такое любовь с первого взгляда, как не банальная симпатия к внешности?

Цзян Фэй был простым человеком и поступал по-простому. Зачем напускать на себя туман да вести высокопарные речи?

Скелетный конь прижал копыто к черепу.

[А если и лик Преподобного стинет во скверне?] — не унимался Линьхуа, ткнув копытом в собственную костяную морду.

Цзян Фэй приложил руку к груди, показывая, каково это будет для него горе, но ответил без колебаний:

— Тогда пусть обязательно носит маску! А с его лицом я уж как-нибудь разберусь.

Линьхуа задохнулся:

[Молись богам, парень...]

— Он ведь принял мой подарок, а это уже прогресс, — легкомысленно отозвался Цзян Фэй.

Духовная грелка для рук, обошедшаяся ему в целое состояние, исчезла вместе с Фу Сяо.

[Твоя наглость — тебе и отвечать,] — решил конь, поняв, что спорить с этим человеком бесполезно.

Взмыв в воздух, Линьхуа снова понес его вперед.

Сзади наконец подоспели летающие камеры. Цзян Фэй оглянулся: внизу бетонно-стальной павильон метро внезапно раскрыл огромную пасть.

[Иди... Иди же сюда...]

Цзян Фэй достал смартфон и без колебаний занес эти координаты в черный список.

— Сяо Ду, Сяо Ду, если я окажусь ближе чем в десяти километрах отсюда — срочно подай сигнал.

[Зачем?] — спросил Линьхуа.

Цзян Фэй обернулся и невозмутимо чеканил:

— Запретная зона рода Цзян. Вход воспрещен на веки вечные.

Люди с длинной жизнью никогда не страдают глупым любопытством.

Линьхуа промолчал.

<http://bllate.org/book/19820/1992620>